

Кто такой Рюрик Ивнев (11.02.1891–19.02.1981)? Это самый большой долгожитель среди поэтов Серебряного века — он старше Есенина и Маяковского, но пережил их на целую эпоху. Он поэт и прозаик Серебряного века, но, прямо скажем, второго уровня. Его не сравнить ни с Блоком, ни с Мережковскими, ни с Есениным, ни с Гумилёвым, ни... На самом деле его подлинное имя Михаил Александрович Ковалёв. Выходец из семьи военных, он ничем особенно не выделялся в дореволюционное время. О происхождении своего псевдонима он написал так: «Ночью мне приснилась моя книга (первая книга стихов юноши — Г.М.). Я взял её, перевернул и увидел название “Самосожжение”, а выше фамилию автора “Рюрикъ Ивневъ”. Проснулся, записал, а потом снова уснул, а утром сообщил эти данные в типографию. Так родился этот псевдоним» (стр. 6). Цитируем по книге Рюрик Ивнев «Богема», М., Вагриус, 2006 г.

Рюрик Ивнев не скрывает, что образ жизни поэтов и писателей послереволюционной России 1920 гг. — это так называемая богема. В 1920 годы советская власть решила почему-то поощрять талантливых писателей и поэтов, которые ей были чужды. И это считалось нормальным. Например, некий издатель Кожебаткин решил дать Есенину большой аванс, далеко не будучи уверенным, что Есенин выполнит издательский за-

Рюрик Ивнев
в молодости

каз. Разумеется, все деньги Есенин пропил, зашёл в ресторан, где снова встретился с Кожебаткиным. Из «Богемы»: «Глаза Есенина вдруг засверкали мелкими весёлыми огоньками:

— Ей-богу, я напишу, напишу все стихи. Кожебаткин сам виноват. Поймал меня здесь, запер в спальне Марии Павловны и говорит: не выпущу, пока не сдашь рукопись. Ну, как я мог исполнить его требование, когда не было настроения» (стр. 55). Оказывается, Есенин сбежал через окно.

Почему-то особенно ненавидел Рюрик Ивнев крестьянского поэта Клычкова, репрессированного в сталинские времена, о котором я в числе первых написал большую статью в конце 1980-х. В чём причина этой ненависти, которая одновременно сопровождалась дружеской привязанностью к Сергею Есенину и Анатолию Мариенгофу, мне непонятно, но, тем не менее, — это очевидный факт. Вот как описывает Рюрик Ивнев первую встречу с Сергеем Клычковым в одном из московских ресторанов: «Я видел его затылок. неподвижный, тучный, он казался чугунным. От этого взгляда мне стало душно, точно

Рюрик Ивнев
выступает

вдохнул спёртый воздух мертвецкой. И вдруг на этом затылке, будто отдельные живые существа, шевельнулись складки красной, потной, сморщенной кожи. Они взвивались угрожающе, в них было столько недоброжелательства, что я почти угадывал выражение лица, видеть которого не мог. Грузная туша обернулась, я увидел лицо тёмное, как пергамент, тёмное не столько по цвету волос и кожи, сколько по выражению глаз, губ, носа и щёк. (...)

— Да ведь это Клычков! — воскликнула Соня. (...)

Я встал со своего места.

— Вы — злобный нахал.

— Кто нахал? А ну-ка этого не хочешь понюхать?

Он сжал громадный волосатый кулак, похожий на взбесившегося, ошетинившегося зверька, и медленно, точно наслаждаясь откровенной грубостью, поднёс его к моему носу.

В глазах у меня потемнело. Я почувствовал, что по сравнению с Клычковым я — соломинка» (стр. 34).

Ещё раз обратим внимание читателя, что этот «зверюга» Клычков был расстрелян в 1937 году, а Рюрик Ивнев прожил почти 90 лет.

Любопытна часть его воспоминаний, касающаяся Матвея Ройзмана, который, будучи поначалу имажинистом, другом Шершеневича, Есенина, Мариенгофа, в 1930-е годы быстро перековался и стал абсолютным поклонником соцреализма, а также, с присущей ему деловой активностью, ухитрился не только выжить в эпоху репрессий, но даже стал одним из первых авторов советских детективов «Дело № 306», по которому снят фильм после войны.

Самое интересное в цикле воспоминаний Рюрика Ивнева — это очерки о современниках, с которыми он часто общался, а некоторые были его друзьями. Когда мы пишем о литераторах первого уровня, то их разные воспоминания друг о друге часто кипят какой-то неприязнью и даже злобой, хотя о зависти здесь даже трудно говорить. Вспомним стихотворение Зинаиды Гиппиус «Шёл», в котором речь идёт о неразумных детях — Блоке и Белом:

Не хочу, чтоб заблудилось
 Неразумное дитя...
 В покрывале ветер свищет,
 Гонит с севера мороз...
 Никогда их не отыщет,
 Двух потерянных — Христос.
 Всем, всем, всем...

Размышляя о творчестве разных писателей Серебряного века, я не раз задавал себе вопрос, почему некоторые из них, далеко не второстепенных, — Сергей Городецкий, Василий Каменский, Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин, тот же Рюрик Ивнев — остались в советской России, а Андрей Белый, поначалу эмигрировавший, вернулся в СССР. Не нахожу ответа на эту загадку. Например, Гайто Газданов, ставший в эмиграции всемирно известным писателем, в Париже работал таксистом. Но советская власть его не манила. Из вернувшихся общественных деятелей, особенно так называемых евразийцев, многие были репрессированы, например Д.П. Святополк-Мирский. Хотя нельзя забывать и так называемого основателя социалистического реализма Максима Горького, который, конечно, был чужд общим настроениям российской эмиграции, но, тем не менее, долгие годы жил на острове Капри в фашистской Италии, возглавляемой Муссолини. Рюрик Ивнев неоднократно бывал за границей после революции как раз в те годы, когда, казалось бы, что ничто не мешало ему там

остаться: «В начале февраля 1921 года мы с Есениным решили совершить небольшую поездку в Европу. Я рассказал о нашем плане Анатолию Васильевичу (Луначарскому — Г.М.), причём я его ни о чём не просил» (стр. 431). Эта поездка по разным причинам не состоялась, но чуть позже — в 1925 году — Р. Ивнев съездил в Германию и опять-таки вернулся в советскую Россию.

В этом сборнике есть интересное полуюмористическое подобие эссе, иронически названное «Четыре выстрела в четырёх друзей — Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича».

Там написано так: «И ты, Есенин, бархатная лапка с железными коготками... И ты, великолепный выхоленный Мариенгоф, — и ты, остроглазый, умный Кусиков, — и ты, хулиганствующий Шершеневич, — все вы заслуживаете воображаемых пуль, которыми я пронзаю из своего бумажного револьвера ваши бумажные сердца» (стр. 490).

Но эти выстрелы одновременно самоубийственны и для самого автора. Здесь Рюрик Ивнев, на мой взгляд, достигает вершины, если не своего творчества, то, по крайней мере, нравственного осмысления своей эпохи.

«Выстрел первый в Есенина.

Я часто думаю о тебе. До чего ты связан с Россией, кровью, на жизнь и смерть. У меня вырвалось в стихах, посвящённых тебе:

Кто не прочтёт иероглиф России,
Тот не поймёт есенинских стихов. (стр. 492).

Выстрел второй в Кусикова.

Мне кажется, что ты являешься самым ярким и типичным представителем нашей эпохи; ещё не отзвучал старый мир, и в то же время нарождается новый (стр. 497).

Выстрел третий в Мариенгофа.

Ты великолепен в своей тихости, ты имеешь свой стиль увядания, мертвенности, отцветания... (стр. 504).

Выстрел четвёртый в Шершеневича.

В жизни не встречал я более чуждого мне человека... Ты не живой и не мёртвый. Ты просто предметный. Случай необыкновенный, изумительный. Двигающийся предмет. Человека нет. Поэта нет. Сердца нет. Вместо сердца шарик. Холодный, стеклянный, чужой для всех, и для тебя прежде всего» (стр. 506).

Вот такими странными заметками завершает Рюрик Ивнев свои воспоминания о самых близких своих друзьях. Что-то в этих

Сергей
Есенин

Александр
Кусиков

Анатолий
Мариенгоф

Вадим
Шершеневич

мемуарах надумано, что-то, несомненно, написано от чистого сердца, а что-то является поэтической аллегорией, тем более что судьба многих имажинистов оказалась не такой безоблачной, как жизнь его самого. Например, Вадим Шершеневич умер в 1942 году в эвакуации в Барнауле от скоротечного туберкулёза лёгких.

Может быть, поэтому Рюрик Ивнев заканчивает свои мемуары несколько грустной формулировкой:

Мне больно за тебя, Вадим!
Я не стреляю в тебя.
Я поднимаю револьвер.
Выстрел в воздух. (стр. 508).

Конечно, от Есенина до Шершеневича, как говорится, дистанция огромного размера, но мне кажется всё-таки, что есть нечто общее, что их объединяло, — это осознание нового образа жизни, нового мировосприятия, а уж как оно отразилось на их судьбах — это другой вопрос. Книгу своих воспоминаний Рюрик Ивнев назвал «Богема», как и оперу Пуччини. Так жили и воспринимали мир деятели культуры Серебряного века, и нам есть чему у них поучиться.

P.S.: Рюрик Ивнев похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Декабрь 2020 года
Санкт-Петербург